

Практически все слова-*други* из псалма № 157 входят и в другие перечни слов, объединенных чаще всего вопросами, например: «Что есть девять блаженств евангельских? — Вольная нищета, плач о грехах, крепость желанья, **правда**, **милость**, чистосердечное миротворение, изгнание **правды** ради, поношения за имя Господне». *Труд* является третьим концом метафорического духовборческого *креста* наряду с *верой*, *надеждой* и *питанием*. Подобные перечни в псалмах исчисляются многими десятками.

Двенадцать слов-*другов* и другие многочисленные слова в этих оценочных перечнях, близкие по характеру к рассмотренным выше, указывают на стоящие за ними ключевые концепты культуры. Последние, судя по даваемым им оценкам, являются конфессиональными ценностями духовборцев, вбирающими в себя религиозно-культурные смыслы их мировоззрения.

К. В. Осипова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
zwierze@yandex.ru

Крестьянский рацион голодного времени (на материале севернорусской диалектной лексики)

В традиционном укладе жизни крестьянина чередовались сытые и голодные периоды, что определялось как природными, так и социально-историческими факторами. Сытым оказывалось осеннее время, когда собирался основной урожай и резалась скотина, голодными — весна и первая половина лета. Естественно, что более богатым был праздничный стол, более калорийными — блюда скоромных периодов, тогда как повседневная пища и постный стол готовились гораздо скромнее. И конечно, самый скудный рацион приходился на периоды социально-исторических перемен и потрясений — войн, коллективизации и пр., когда большая часть продуктов сдавалась в колхоз и/или отправлялась на фронт.

Лексика севернорусских диалектов — ее мотивационный компонент, особенности семантического развития и контекстного

употребления — позволяет охарактеризовать специфику рациона бедного времени и определить семантико-мотивационное своеобразие языкового воплощения этого фрагмента действительности. Лексическая группа «Бедная пища; пища голодного времени» широко представлена как в картотеке говоров Русского Севера (по Архангельской, Вологодской и Костромской областям), так и в словарях, охватывающих северо-западные территории России.

Лексика, называющая пищу голодного времени, отражает отсутствие основных продуктов питания (арх. *бескóрмица*, *бесхлéбница* ‘голодное неурожайное время’), резкое сокращение количества продуктов (арх. *Соль да вода — наша еда* ‘о питании в голодные годы, при бедности’) и редуцирование состава блюд — обычно до картошки, лука и соли (арх., влг. *рататуй*: «Рататуй суп пустой, бедный, говорят, суп рататуй, по бокам картошка, а в серёдке матюк», влг. *рощеколда*: «Рощеколду-то бедные хлебали, водичка с картошкой», костром. *балáнда*: «Раньше, вот я когда была в детстве, не было совсем еды, варили суп: картошку, лук, соль, вода <...> Вот он и баланда»).

Кроме того, в блюда включались ингредиенты, ранее считавшиеся несъедобными. Так, в пищу шли отходы при обмолоте головок льна (волог. *головíчник* ‘лепешка из отходов, полученных при обмолоте головок льна’), отходы от обмолота зерна (волог. *дрязг* ‘хлеб из отходов, полученных при обработке ячменя, ржи’: «В войну-то мы и дрязгу были рады, пекли его из мусора от ячменя, ржи»), полевой хвощ (волог. *пíстичник* ‘пирог из муки, полученной из полевого хвоща’), клевер (костром. *ка́шник* ‘клевер’: «Кашник — головки клевера. Их высушат, ступа такая была деревянная — истолкут. Чуть-чуть муки, вот такая каша чёрная», волог. *сухомéц* ‘кушанье из высушенных и истолченных соцветий клевера’), семена дикого щавеля (волог. *зáспица* ‘семена дикого щавеля’: «В войну-то заспицю собирали»), трава (волог. *травя́ник* ‘лепешка, которую в голодные годы изготавливали из травы и небольшого количества муки’, костром. *хлам* ‘истолченные растительные отходы’: «Накладёт в котомочку matka этого хламу, на сенокос уйдём, в суп накладём и едим»), жмых (волог. *дура́ндица* ‘выжимки от конопляного или льняного масла’: «Мы раньше рады дуранде были, жмых в ней один, ходили работать, чтоб обратки попить да дурандицы дали»), гнилой, прошлогодний картофель (волог. *оля́бушечка* ‘оладья из картофеля, найденного весной на поле’: «В войну-то голодно было.

На полях прошлогодняя картошка делается крахмалом, дак её собирали да олябушечки делали») и пр. Таким образом, основу рациона в бедное время составляли жидкие пустые похлебки, а также хлеб и лепешки, испеченные с добавлением суррогатной муки.

С мотивационной точки зрения названия пищи голодного времени отражают состав блюда (ср. волог. *дудочные лепёшки* ‘изготовленные из размолотых стеблей дудок лепешки’: «Пойдѣшь в лес, лоньских дудок насобираешь, в муку истолкѣшь и лепёшки дудочные сделаешь, в голодное время ели», костром. *лукопѣрица* ‘постная похлебка из картофеля и лука’: «Раньше где мяса-то было, по праздникам только, а так лукоперицу делали: лука да картошки кидали»), использование соли как основного «улучшителя» вкуса (волог. *солонушка* ‘кушанье из льняных головок, приправленное солью’: «Когда голодали, дак солонушку готовили»); представляют скудность, низкую пищевую и вкусовую ценность пищи (волог. *голышка*, *голожа́бница*, *нужда́*, *матюк* ‘пустой суп’); жидкость, «пустоту» блюда (костром. *балáнда*, *лупíха* ‘пустой суп’); отражают жизненную необходимость всякой пищи (волог. *спасѣнчик* ‘лепешка из мороженой картошки’: «Спасенчики всё в голод делали»); исторический период, приметой которого они стали (арх. *совѣтская уха́* ‘похлебка из картошки (без рыбы)’: «Демьянова уха — то же самое, что советская уха: когда рыбы не было, в котелок картошку бросали в воду, крепко солили», костром. *пятилѣтка* ‘пустой суп’) и пр.

В целом диалектная лексика, называющая бедную пищу, составляет довольно объемную группу, которая тематически и мотивационно пересекается с названиями пустых блюд, растительных отходов, дикорастущих трав. Она отражает культурно-исторические представления о голодном времени, которое вносило значительные перемены в традиционный рацион крестьян.